

— Тобирама-сан, как...

Он резко поднялся, положив руку на меч. Его внешний вид кричал об обуявшем мужчину напряжении; лицо стало пустым, а воздух слегка потрескивал от холодной, острой чакры.

— Встань позади меня.

— Что...

— Юи-сан, встань за мной. Сейчас же.

Она встала. Дверь открылась.

— Привет, целительница. — Изуна улыбнулся, обнажив зубы. Глаза его мерцали красным и черным. Юи словно наяву увидела, как вновь пылает клиника, и как удушающий смрад гари душит её. — Не могли бы вы взглянуть на мой ожог?

Двое мужчин уставились друг на друга. Тобирама сделал один шаг, затем другой. Он остановился перед Изуной.

— Тебе повезло, что я не прирезал тебя прямо здесь и сейчас. — Сказал он тихо, почти шепотом.

Учиха рассмеялся.

— Если бы не договор, то ты уже был бы мертв.

Тобирама сжал рукоять меча. Чакра с каждой секундой становилась всё плотнее и интенсивнее, превращаясь в густой шторм из пламени и ряби. Ногти девушки впились в ладони, голова закружилась. Только не это. Нет, это не может повториться. Не может! Она хотела закричать или сказать что-нибудь, что угодно. Но слова застряли в горле, а перед глазами заплескали пятна, и всё что могла Юи, это дышать.

Еще одним медленным шагом, положив руку на меч, Тобирама остановился рядом с Изуной. Один стоял лицом к двери, другой — к ней; Учиха и Сендзю стояли бок о бок. Напряжение в воздухе спало.

Не хватало одной маленькой искры, чтобы клиника вспыхнула.

— Лечи свою травму, Учиха.

Тобирама обошел Изуну и вышел. Дверь закрылась, и Юи глубоко вздохнула, опустившись в кресло. Всепоглощающая разум чакра исчезла, и Юи поморщилась, разложив пальцы на столе; ладони кровоточили.

— Пожалуйста, не надо драться. — Слабо прошептала она.

Изуна снова рассмеялся, так же мрачно, как и раньше.

— Как ты смеешь?

Она тупо уставилась на него, ещё не совсем отошедшая от свалившегося облегчения.

— Что?

— Как ты смеешь брать на себя моральную ответственность и присваивать себе право командовать моим кланом? — Та же огненно-мембранная чакра снова поднялась, заставив ее вздрогнуть. Его угольно-черные глаза сузились, когда он подошел к ней. — Ты, простолюдинка, настолько наивная, что смеешь говорить глупости вроде «не деритесь», при этом ничего не понимая? Не сражаться? Неслыханная наглость! Плохо, что ты контактируешь с Сенджу. Однако это ещё терпимо. Но у тебя хватает наглости совать свой нос в нашу войну и выдвигать требования, даже принуждать нас к заключению договоров!

Изуна надавил рукой на стол и наклонился вперед.

— Послушай, лекарь. Если бы мы прекратили войну, то это означало бы, что все павшие, погибли зря! А ты тут сидишь и рассуждаешь о мире и прощении, как будто вообще что-то знаешь. — Лицо, искажённое в оскале, сменило гримасу в тошнотворно фальшивую улыбку. — Но как такая, как ты, может понимать, что такое честь? Ты даже не отомстила после того, как Сенджу сожгли твой дом.

Шок, мешавший ей говорить, исчез.

— Сенджу? — Спросила Юи, обретя голос. — Только Сенджу сожгли мой дом?

Изуна сделал паузу и нехотя добавил:

— После того, как это сделали и мы.

— Так ты хочешь, чтобы я отомстила? — Юи уставилась на него, недоумевая, но больше всего злясь. О чем только думал этот шиноби, заявляясь в ее клинику и говоря такое? — Ты хочешь, чтобы я перестала лечить тебя и твой клан?

Изуна покачал головой.

— Нет, конечно, нет! — Волосы упали ему на глаза. Он поднял свободную руку, чтобы убрать их в сторону, и поморщился. Ожог, второй степени, судя по волдырям, тянулся от костяшек до запястья. — Для нас будет выгодней, чтобы ты не мстила, но... любой принципиальный человек поступил бы именно так. Неужели ты совсем ничего не чувствуешь?

Как... как он мог сказать ей такое? Её ладони тряслись от гнева, усталости и застарелого страха. Она ничего не чувствовала? Эти бессонные ночи, сны, наполненные дымом, появившийся нервный тик, — она вздрагивала, едва заслышав треск огня, — огромный пласт работы по восстановлению утерянного... для него всё это не имело значения? Ее первый хлопковый косодэ, резные тарелки и шелковые платки, воспоминания о каждом путешественнике, всё, что она оплакивала и по чему скучала — всё это было ничем?

Она пыталась контролировать свое дыхание, но не могла. Она выдыхала с трудом, пока брала с полка бинты и мазь.

— То, что я молчу. — Юи отрезала полоску с большей силой, чем нужно. — Не значит, что я ничего не чувствую. — Она не пыталась скрыть свою ярость. — Позволь мне обработать руку.

Его самодовольный взгляд потускнел и перешел в сожаление. Он закрыл рот и протянул конечность.

— Я говорю лишь правду.

Это стало последней каплей. Возможно, если бы он пришел в другой день, когда она не была так измотана, то, возможно, она бы сохранила самообладание. Может быть, она бы вспомнила, что этот человек может вырезать всю деревню, не моргнув глазом, и тогда инстинкт самосохранения со здравым смыслом взяли бы вверх.

Но Изуна пришёл сегодня.

— Шиноби. — Усмехнулась Юи. Ее лицо покраснелось от гнева, пока она промывала его рану холодной водой. Он отвергал дело всей её жизни. Мечту, которой она дышала, которой она посвятила каждый божий день, которой она принесла в жертву личное счастье и вообще всё, что только могла. — Ты пришел сюда, просишь исцеления и говоришь со мной свысока? Думаешь, я не замечаю этого? Как **ты** смеешь?

Юи было что сказать. Сказать о том, как всё это контрпродуктивно, бесполезно, как напрасно тратятся жизни, ресурсы и дети, что техники, которые ниндзя хранят у себя, могли бы изменить мир, если бы они не заиклились на убийстве друг друга... но она не оратор. Она не могла подобрать нужных слов и выстроить их в красивые предложения, и потому задала простой вопрос:

— Почему ты сражаешься?

Изуна уставился на нее, открыв рот и моргая. Прошло несколько секунд, прежде чем он ответил с той же непреклонной убежденностью.

— Потому что они убили моего...

— Почему ваши кланы начали воевать? — Она наложила мазь на его рану и посмотрела ему в глаза. Она была к нему так близка, что могла различить каждую ресничку.

Он замолчал на мгновение.

— Мы были наняты на противоположных сторонах войны...

Юи издала короткий, резкий смешок.

— О, так это даже не ваша личная война, а вы просто до сих пор сражаетесь за нанимателей!

— Слушай, ты не понимаешь... — Начал он, стиснув зубы.

— Я не понимаю. Не понимаю, а вы, шиноби, продолжаете втягивать меня в это! — Закричала она. — Мне недостаточно лечить тебя, да? Я должна выбрать сторону? Нет. Нет, не буду, и не просите меня больше! — Она схватила баночки с мазью и хлопнула ими по столу. — Я не должна тебе нравиться, а ты не должен нравиться мне. Я твой целитель. Ты — мой пациент. Это всё, что имеет значение. — Она указала на контейнер с пастой из мяты и меда, пропитанной чакрой. — Приложи это к ожогу и смени повязку. Ты достаточно раз получал и травмы, и моё целение, чтобы знать, что делать. Ещё что-нибудь?

Медленно, Изуна собрал их и положил в матерчатый ранец.

— Ну, я...

— Тебе нужно что-нибудь еще? — Повторила она.

— Нет. — Он протянул ей мешочек с монетами и заколебался.

— Позаботься о своей ране. — Она выпроводила его за дверь и захлопнула ее за ним.

Чакра висела в воздухе, как дым, который она не могла выдохнуть. Юи провела рукой по волосам, расстегнула кожаный ремешок и распустила пряди по лицу. Она на мгновение закрыла глаза, а затем собрала волосы в пучок. Мрачная усмешка коснулась губ. Ей повезло,

что горделивый Учиха не вырезал всех за её вспышку гнева, и она понимала это.

Этот день — один из худших в её жизни.

Юи посмотрела на стол. На нём лежали два свитка, один из которых содержал книгу, а другой был пуст и ждал своего часа.

Быть может, завтра станет лучше?

<http://tl.rulate.ru/book/69328/2007399>